

Альфред ХЕЙДОК

Безумие желтых пустынь

ЭТО было в те дни великих дерзаний, когда безумие бродило в головах и порождало дикие поступки: когда ожесточение носилось в воздухе и пьянило души.

В те дни сумасшедший полководец, барон Унгерн фон-Штернберг, в чьей душе жили в странном соседстве аскет-отшельник и пират, чьим потомком он был, в те дни вел он за собой останельных бойцов на Ургу — восстанавливать чингисханово великое государство.

За ним шли авантюристы в душе, люди, потерявшие представление о границах государств, не желавшие знать пределов.

Они шли, пожирая пространства Азии, и впитывали в себя ветры древней Гоби, Памира и Такла Макана, несущие с собой великое беззаконие и дерзновенную отвагу древних завоевателей.

Шли — чтобы убивать или — быть убитыми...

Перед крошечным бугорком, за которым, уткнувшись лицом в землю, прятал голову Жданов, взметнулось облачно песку. Вдали прозвучало: хлоп!

Жданов выплюнул попавший в рот песок и быстро определил:

— Это из берданы! — Потом, что-то вспомнив, задумчиво прибавил: — Впрочем, нет! Это винтовка системы «ра»!

— Какой только дрянью они нас не обстреливают?! — сердито отозвался Шмаков. Он, как и Жданов, распластавшись, лежал на земле шагах в пяти от него.

Трудно было сказать, к чему больше относилось его возмущенное лицо: к самому факту неожиданного обстрела или же к скверным пулям. По всей вероятности, к пулям больше, так как Шмаков, по его же выражению, получил «нежное воспитание» на Великой войне, где он много раз служил мишенью для отличнейших пуль, отлитых в превосходных заводах Крупна по последнему слову техники.

Внезапный обстрел в голой степи захватил обоих приятелей безоружными.

Это случилось по той простой причине, что их отъезд из отряда Унгерна носил характер спешный, бурный и неорганизованный. Вследствие этого и багаж их имел существенные недостатки... Вернее говоря — багажа почти не было!

Иначе оно и быть не могло: адъютант «самого» накрыл вечером Шмакова за делом, почитавшимся смертным грехом в стане «Сурового вождя», — в обществе женщины без намека на репутацию и за столом, красноречиво уставленным пустыми бутылками.

— Иди к коменданту и скажи, чтоб тебя посадили на «губу»! — сказал адъютант.

— Слушаю-сь! — выткнулся Шмаков, но все-таки к коменданту не попал: он отыскал в поселке мирно беседовавшего Жданова и сказал ему только два слова:

— Я уезжаю!

Жданов расспросил, в чем дело, и так как они не разлучались ни в Карпатах, ни в Пинских болотах, ни в Тургайской степи, то и на этот раз решили не расставаться. Через полчаса, благополучно миновав посты, два друга шли уже степью прямо на юг.

Если бы их спросили, почему именно на юг, они бы ответили, что вообще желают идти туда, где раньше не бывали.

Но сейчас дело было дрянно: методический обстрел продолжался, а отвечать было нечем.

Солнце палило затылок, хотелось пить, и глубокое возмущение стало овладевать Ждановым.

— Мы уж целый час печемся здесь!.. Нужно что-нибудь предпринимать.

— Не час, а только четверть часа! — хладнокровно ответил Шмаков, щелкнув измятыми серебряными часами со сворою тисненых гончих на крышке. Это был подарок, которым Шмаков весьма дорожил.

— Ты не доверяй своим часам, — ехидно отозвался Жданов, — они остановились еще третьего дня!

— Врешь!

Глаза всего мира обращены на Маньчжу-Ди-Го. Древние были этой страны жили и воплощаются в разнообразные строительства. Среди этих наслоений, полных значения современности, складывается целая литература, отображающая все стороны построек и устремлений.

Рассказы А. Хейдока, посвященные жизни Маньчжури, являются ценным вкладом в литературу новой страны. Рассказы эти прежде всего углублены качеством убедительности, этим редким отличием, свойственным лишь чему-то

действительно пережитому, пережитому. Помимо увлекательного содержания и удивительного изложения, «Звезды Маньчжурии» полны тех внутренних зовов, которые пробуждаются на древних просторах, напитанных славой прошлого. В каждом рассказе, безразлично, будет ли он основан на быте современности или на далеких звучаниях великих наследий, — всюду внимание оттачивается на чертах больших реальностей, которые уведут внимание читателя в область высоких представлений.

Творчество А. Хейдока своими литературными качествами всегда нужно, но сейчас, когда поистине глаза всего мира устремлены на эти древние места, — оно нужно особенно. Тем, кто много ходил по просторам Азии, особенно звучат были и тайна, которые нигде, как в Азии, не сочетаются так убедительно. Н. РЕРИХ

1934 г. ***
Предлагаем вниманию читателей два рассказа А. Хейдока из книги «Звезды Маньчжурии».

РОССИЯ В ЗАРУБЕЖНОМ МИРЕ

Шмаков, задетый за живое, яростно повернулся к Жданову, и между ними произошла краткая перебранка по поводу достоинств «хронометра».

Но пока они перебрасывались крепкими словцами, за которыми солдат привык скрывать свои истинные чувства, где-то в вечности для одного из них пробил час: вдали, за холмиком, где чернел монгольский малахай, опять хлопнуло, и Шмаков оборвал брань на полуслове.

Когда Жданов удивленно взглянул на него, то содрогнулся: Шмаков, обхватив шею руками, бился и хрипел, выплевывая кровь. Еле внятный шепот едва достиг Жданова:

— Убей их... Андрюша... Я не прощу...

Крепкое, мускулистое тело изогнулось напряженно и сразу затихло. Пуля сделала свое дело, и суровая душа мужчины, непокорная и бунтующая, отлетела так же быстро, как рассеивается сон при пробуждении.

— Шейка — копейка! — Жданов злобно усмехнулся: последний товарищ уже проиграл игру и бросил карты на стол... Теперь — очередь за ним... — Но если я останусь жив...

Мысль о мщении на секунду красным туманом застала мозг, но он ее не докончил: резко ткнула пуля о жезл, и рвануло лямки, на которых висел котелок.

За холмиком к первому, еще раньше замеченному малахаю прибавились второй и третий.

Как ни странно, но выстрел, попавший в котелок, оказался последним: малахай вдруг исчезли и наступило молчание.

— Сейчас что-то будет! — решил Жданов и торпливо перекрестился, приговарывая ко всему худшему. Затем он взглянул на небо, стараясь отогнать мысль, что делает это в последний раз.

Синий над ним небосклон с южной стороны пожелтел. Одновременно «перекати-поле» впереди него пришли в движение и серыми комочками покатались вперед: дыхание великих пустынь пронеслось по степи, а за ним шла пыльная буря.

Взметнулись красноватыми дугами песчаные столбы на выдуве, у пологого ската, и быстро потускнело солнце. Упали серые сумерки.

В этот момент три всадника на косматых лошадках вынеслись из ложбинки за холмиком и во всю прыть поскакали к Жданову.

«На ходу не попадут!» — успел подумать Жданов. Он вскопился и во весь дух бросился бежать на юг. Порыв ветра с силой ударил ему в лицо — уже шла навстречу целая рать крутящихся столбиков пыли.

Казалось, все химеры, созданные досужей фантазией Востока, мчались сюда — справлять шабаш...

Жданову показалось, что ему рот засыпали золой. Он чувствовал пыль в себе и вокруг себя. Отплываясь на бегу, он оглянулся и увидел, что один из преследователей соскочил с коня и бешаривает убитого, а два других — уже совсем недалеко.

Он прибавил ходу, но когда, совсем задышавшись, через пару минут оглянулся еще раз, он был поражен непонятной картиной: трое всадников быстро удирали обратно.

Не веря своим глазам, он приостановился, задумался и пришел наконец к заключению, что суеверным монголам что-нибудь померещилось: разве мудрено увидеть чертей в таком кавардаке, когда они ухитряются видеть их и в ясную погоду...

Э, да не все ли равно?! Важно, что остался жив!

Жданов решительно зашагал вперед. Но, пройдя несколько шагов, остановился: там, на холмике, остался лежать некто, и Жданов все бы отдал, чтобы этот некто мог, по-старому, зашагать с ним рядом, а подчас и ругнуть его привычной незлобной солдатской бранью...

Ветер по-прежнему свистал вокруг него: песчаные столбы то рассыпались, то снова формировались и продолжали свою фантастическую пляску.

Будь они живыми существами — они удивились бы странному поведению одинокого человека в степи: он грозил кому-то, выкрикивал лютую брань с какими-то гримасами... Две струйки грязи стекали по лицу... Конечно, это пот усталости, от сумасшедшего бега... Разве мужчины плачут?

II

Степь заговорила. Лохматые всадники скакали по всем направлениям и разносили молву:

— Пришел большой русский генерал Унгерн с войском... Идет освобождать Ургу. Хочет восстановить чингисханово государство... Монголам будет хорошо! По вечерам в юртах без усталости говорили о чудесном генерале! Его не берет пуля... он молится монгольским богам, чтит лам... Он идет впереди наступающих цепей без оружия — с одним ташуром (палкой) в руках... А в ташуре этом сидит дух...

Но еще быстрее пронеслась весть, что Унгерн, уже обложивший Ургу, обещал отдать город бойцам на разграбление.

Спешно седлались кони, и алкающие богатств неслись к монгольской столице, подгоняемые мыслью:

— Как бы не опоздать!..

Но в районе одного глухого улуса умы были заняты совершенно другим:

— В степи появился Сатана!

Трое пастухов во время пыльной бури чуть не насмерть загнали коней, спасаясь от него.

Правда, их рассказ был довольно сбивчив. Выходило так, что они гнались будто за двумя волками и даже одного из них убили. Но это были не волки, а оборотни, потому что во время погони за другим вдруг волк превратился в человека, который встал и побежал вслед своему убегающему товарищу...

Иногда рассказ несколько изменялся и вообще оставался темен и неясен. Одно лишь было известно достоверно: недалеко от места происшествия Цадип нашел хорошие часы!

По мнению слушателей, Цадип проявил большое мужество, так как не всякий бы стал слезать с коня за часами, когда сам Сатана гонится по пятам!..

Эти рассказы дошли наконец до ушей одинокого русского, который шатался по степи в поисках бог весть чего! Он проявил чрезвычайный интерес к этому делу, так как, по его словам, он всю жизнь жаждал встречи с Сатаной!

Русский предпринял недельный путь, чтобы найти удостоившихся такой встречи и лично их расспросить.

К сожалению, он не застал ни храброго Цадипа, ни его двух товарищей — они в числе многих других поехали к Урге, надеясь поспеть ко времени ее падения.

Рисунок А. БАЛЬЖАН

Сожаления русского быстро прекратились, когда он в одной юрте, за коллекцией богов у стены, увидел старые серебряные часы с вытисненной на крышке сворою гончих.

Часы ему очень понравились: он долго вертел их в руках и расхваливал, спрашивая, кто их счастливый обладатель, как его зовут и как он выглядит. Потом русский тоже отправился в Ургу.

III

Имя Унгерна носил худой человек. У него были усы скандинава и душа «берсеркера».

Над пасмурным Балтийским морем его предок водил пиратское судно на бордаж и тяжелым молотом сплющивал шлемы вместе с черепами их носителей. Предок любил дробный стук стрел о щиты и рев, издаваемый бычьими глотками пиратов при атаке: это возбуждало ярость и повергало его в кипящую пену безудержного буйства, когда «сокращающие удары вызывали восторг, распирали грудь и наливали кровью холодные глаза.

В двадцатом веке в далеком потомке возродился этот предок. Его отправили в школу, приучили к суровой дисциплине и заставили носить бесцветную личину рядового офицера.

Год за годом тянулась эта жизнь, не давшая ему удовлетворения.

Душа тосковала. Смотрела жадными глазами в сторону пустыни и рвалась с цепей... Он сбросил цепи, когда в Россию пришло Великое Безумие.

С тех пор он стал тем, кого называли «Даурским бароном» и кто затем сделался кратковременным властителем Монголии.

Он оставил кроткого Христа, потому что ему ближе было друидическое поклонение силам земли, Одина, Валгалле и страшилкам — кумирам Тибета.

Однако он никогда и никому не прощал нарушения его законов.

IV

Урга была взята.

Над городом распростерлись крылья ночи. Все спало, не спал только Унгерн: беспокойные мысли бродили в его голове. Сегодня у ламаистского оракула он вопрошал судьбу. Лама высших степеней произвел гадание на внутренностях зарезанного барана, и хотя не сказал ничего плохого, но что-то мямлил, выражался цветисто, не договаривал...

Неужели его звезда закатывается?

Мрак потустороннего, невидимые руки Правителя мира и суеверный страх перед темной бездной будущего вселили в душу барона сознание своего ничтожества. А с этим сознанием он примириться не мог.

милась полки московского комиссионтора. А в Ярославле нитки взяли.

Пряжу раскупали не так быстро, как хотелось бы. И Янины сдали часть ниток в Костроме, там их тоже принимали на метры, но цену предложили более низкую: «У нас покупателей не так много, как в Москве...» Их это устроило: за наживой не гнались, важно было побыстрее сдать вещи и получить за них деньги. Но все равно денег на покупку дома не хватило. Купили его на пах с Митиными.

...Н. А. Митина вернулась из Сири раньше срока из-за тяжелой малярии. До конца по сей день так и не вылечилась. Муж ее после трехлетней работы в поле, на жару до 70°C, от слепящего солнца стал терять зрение, как и Янина. Из-за нерегулярного питания и сомнительного качества воды, которой к тому же вечно не хватало, очень болел желудок. Скоро стало ясно, что машину, о которой долго мечтал Митин и ради которой, собственно, и «пахал» в невыносимых условиях, он водить не может из-за плохого зрения.

Встал вопрос о квартире. На очередь их не ставили, а квартира у Митиных маленькая и неудобная. Появилась возможность отселить взрослую дочь, купив ей кооперативную квартиру. Понадобились деньги. Лишних не было. Зато были приве-

министративное, партийное или уголовное наказание».

Обвиняемые обращали внимание на недопустимые действия следователя. Указывали конкретные факты. Тщетно. Никто не хотел их понять и пресечь произвол. Янин несколько раз пытался попасть к прокурору области. Тот не нашел времени. Пробовали воздействовать как-то на следователя Михеева, ссылаясь на газетные публикации, в которых речь шла о последствиях для невинно осужденных судебных следственных ошибок, о том, какую беду может принести пренебрежение законом. Михеев усмехался: «Их дело писать, наше дело сажать...». Правда, уголовное дело против В. И. Янина в конце концов пришлось прекратить — за недоказанностью обвинения. (В одном из документов — за отсутствием состава преступления.) Но это не поколебало уверенности Михеева в собственной безнаказанности. Присутствовавшие при обыске в квартире Янинных понятия пишут заявления по поводу незаконных действий следователя — никакой реакции. Митин жалуется на то, что многочасовые допросы проводились в основном тогда, когда он был болен, а следователь не позволял принять лекарство (один из допросов Михеев провел в больнице, где Митин только что перенес диаг-

их домике, ни в квартире сестры Елены Владимировны, которую Михеев тоже обыскал.

Но и этого следователю было мало. Он словно нарочно стремится скомпрометировать побольше людей, намеренно расширяет круг посвященных в эту историю. Они пытаются защититься от произвола, апеллируют к начальству Михеева. Вот письмо сына Янинных, адресованное прокурору области К. П. Федоренко:

«Михеев вызвал меня в качестве свидетеля повесткой, присланной не по домашнему адресу, а по адресу отдела кадров вышестоящей организации, где я работаю. Повестка пришла на день поздне вызова, что подтверждается штемпелем на конверте, и я, естественно, явиться не мог. Об этом сообщил Михееву по телефону мой отец. Однако Михеев шлет в тот же адрес повторную повестку в угрожающем и порочащем меня тоне. Кроме того, Михеев звонит по телефону моей жене, кормящей матери, родившей месяц назад и не ведающей о проводимом следствии».

Я имела возможность ознакомиться с неряшливыми до неприличия письмами-повестками следователя, о которых пишет А. Янин: «Прошу ему разъяснить, что в случае неявки свидетеля, он может быть подвергнут принудительному приводу. За отказ или уклонение от дачи показаний предусмотрена уголовная ответственность. О вручении ему повестки прошу сообщить нам. По поводу предыдущей повестки ответ от вас до сих пор не получен».

Вот еще одно письмо Михеева — в институт, где учится племянник Янинных — Павел Кушнырев.

«В процессе следствия по делу о хищении (разрядка моя. — Р. Ф.) в особо крупных размерах был проведен обыск на квартире Кушныревой Т. В. В процессе обыска было установлено, что имеется комната, специально приспособленная для просмотра видеофильмов. Обнаружена аппаратура: видеомагнитофон, монитор и т. д., а также большое количество кассет, в т. ч. порнографического и идеологически вредного содержания, часть которых принадлежит Кушныревой Т. В. (матери Павла. — Р. Ф.). Кушнырев неоднократно вызывался в качестве свидетеля и не являлся. Прошу направить 6 июня Кушнырева П. В. в Ярославский следственный отдел, предупредив об уголовной ответственности за неявку».

Уже в первой строчке ложь. За спекуляцию, якобы имевшую место, терзали Янинных, а не за хищение. Не было в квартире специально приспособленной для просмотра порнографических и идеологически вредных фильмов комнаты, как и кассет такого содержания. Во всяком случае, из 350 изъятых кассет уже возвращены с извинениями свыше 330, остальные пока изучаются. А может, изучены давно, но все недосуг их вернуть. Однако и в этих действиях Михеева ни прокурор Федоренко, ни начальник следственного управления Н. И. Собанин ничего предосудительного не заметили.

Митины и их адвокат В. А. Дворкин в положенный срок знакомилась с делом. Умный, опытный юрист Михееву не понравился. И он написал доклад своему начальнику Рябцеву о якобы незаконных действиях Дворкина при ознакомлении с делом. При этом добавляет: «Считаю также необходимым довести этот факт до сведения прокурора».

Обеспечив себе тылы, Михеев пишет «представление» на Дворкина в Московскую коллегия адвокатов. Резолютивная часть такова:

«Указанные действия адвоката являются незаконными, противоречащими адвокатской этике, попыткой любыми средствами помешать установлению истины по делу, а также одним из условий, способствующих совершению подобных преступлений другими лицами. Прошу принять меры к недопущению подобных фактов в будущем. О принятых мерах прошу сообщить не позднее 1 месяца в следственный отдел области».

— Все, что делал Дворкин, — законно, — сказал мне заведующий юридической консультацией А. П. Фоков. — Зато документ, присланный Михеевым, таковым назвать никак нельзя. Где ссылки на законодательные акты, подтверждающие незаконность действий Дворкина? В чем проявилось нарушение этики, где расшифровка? Со всей ответственностью заявляю: то, что изложено в представлении Михеева, — клевета. Кстати, уголовно наказуемое деяние.

Любопытно, разделяют ли мнение Фокова лица, в чью обязанность входит пресечение подобных действий Михеева? И как намерены отреагировать на этот конкретный факт? Призовут следователя к ответственности или в очередной раз поощрят отпиской «нарушений не установлено»?

Дворкин после Михеевского представления пришел к своему заведующему и попросил:

— Не могу, увольте! Я пожилой человек, мне здоровье дороже...

Фоков пытался уговорить кого-либо из коллег взяться за это дело, но желающих «связываться» с Михеевым не нашлось. Пришлось Фокову самому взяться защищать Н. А. Митину.

И ВОТ наконец суд. Ничего хорошего от него не ждали. Михеев не раз угрожал обвиняемым: «Будете сидеть!»

Пять дней присутствовавшие в зале Фрунзенского райнарсуда Ярославля люди

наблюдали за невероятно сложной и кропотливой работой председательствующего С. Ю. Виноградова и народных заседателей Т. А. Родионовой и А. В. Халевиной. По кирпичикам, по клеточкам, осторожно и бережно разбирались созданное следствием «сооружение». Виноградов словно через опасное нагромождение торосов вел свой корабль — и вывел его к истине и справедливости. Спас находящихся на нем людей от бесчестия и позора, защитил добрые их имена, избавил от несправедливого горя, предупредил потери, необратимые для всех нас, ибо ничего, пожалуй, не может быть страшнее осуждения невинного.

Высокая культура, интеллигентность, безупречная вежливость, законопослушание — как, казалось бы, это все элементарно, но как, увы, пока нечасто встречается в комплексе у наших судей! К счастью, в данном случае суд во всем разобрался. И едва председательствующий дочитал последние слова оправдательного приговора, переполненный зал грохнул аплодисментами. Так оценили работу суда люди.

Так что же, радоваться «хэппи энду» и обо всем плохом забыть? Не жажду крови. Но выводы из этой истории необходимо сделать.

Очевидно, для устрашения обвиняемых Михеев подлил к делу информацию о деле москвички Антюевой, осужденной Ленинградским райнарсудом Калининграда. Она также села в комиссионные магазины привезенные из-за рубежа вещи. Мне неизвестны подробности этого дела, неизвестна судьба женщины после ее осуждения. Но фабула насторожила: магазин принял, получил комиссионные, люди приобрели дефицитный товар, который в стране не производится и в обычных магазинах не продается. Таможенные правила, надо полагать, не были нарушены, куплены вещи, вероятно, на честно заработанные фунты. Любое преступление непременно влечет за собой чьи-то страдания, ущемление чьих-то прав и интересов. Чьи интересы пострадали в этом случае? Кому плохо? Да Антюевой же и плохо: осудили ее, имущество конфисковали. И нет никакой уверенности, что она — единственная пострадавшая такого рода, что в другом каком суде не решается еще чья-то судьба, в другом СО другой Михеев не ведет расследование по факту спекуляции такого же рода...

Четыре толстых тома легли на стол Виноградова. Почти год нарабатывало их следствие. Михеев исправно все это время получал зарплату. Напряженно работали в суде трое приехавших из Москвы адвокатов, двое общественных защитников, прокурор, секретарь. Приезжали из других городов многочисленные свидетели. Эксперт Людчина создала экспертное заключение над которым, несмотря на трагизм своего положения, смеялись подсудимые, прятали улыбку невозмутимый Виноградов. Даже строгий прокурор Р. И. Остащенко смущенно улыбался.

Целый год практически не работали обвиняемые и переживающие за них близких. Лихорадило коллективы, в которых они трудятся. Вышибались из колеи и долго не могли прийти в себя люди, которые так или иначе сталкивались с Михеевым...

Но ради чего все это? Разве Михеев не понимал, что ждет его «пустышка», за уши таща дело до «логического» завершения при равнодушном попустительстве тех, кто был обязан пресечь его деяния своевременно? И приходит крамольная мысль: а не для того ли, чтобы таким образом уклониться от работы? Изабражая активную деятельность по разоблачению окопавшейся в столице «преступной» шайки особо крупных спекулянтов, Михеев был вправе взвалить на «серых» своих коллег тяжкую и нудную повседневную работу. Пока Михеев и ему подобные в «пустышки» играют, перегруженные коллеги ломаются под двойным, тройным грузом (своим и Михеева) и уходят. Отсюда — катастрофическая нехватка кадров в правоохранительных органах. Ведь уходят, как правило, лучшие люди. Михеев по доброй воле вряд ли уйдет. А кто взамен приходит? Любому рады, лишь бы дыру заткнуть.

Но кто-то должен же разорвать порочный этот круг! Или страшный этот механизм, в котором одна шестерня крутит другую, вечно будет работать и крушить, перемалывать людские судьбы?

Неловко в который раз писать об этом, но какую огромную роль в предотвращении судебного-следственных ошибок и злоупотреблений сыграло бы участие адвоката с момента предъявления обвинения! Не слишком ли дорого платит общество за медлительность в решении этого вопроса? И можем ли мы претендовать на то, чтобы именоваться правовым государством, без элементарного этого права?

Что же касается оправданных судом людей, справедливое решение — увы, плохая компенсация за вырванные из жизни месяцы, за потерянное здоровье, за перенесенные унижения, ужас и боль. За сомнения и страх, навсегда поселившиеся в душах.

...И как все-таки редко еще звучат аплодисменты в судебном зале.

Раиса ФИРСТОВА
ЯРОСЛАВЛЬ—МОСКВА

ЧЕЛОВЕК И ЗАКОН

АБСУРД В ОСОБО КРУПНЫХ РАЗМЕРАХ

зенные из-за рубежа вещи, без которых семья могла бы обойтись.

Часть из них Митины сдали в комиссионный магазин в Саратове, на родине Николая Михайловича. И там немедленно было возбуждено уголовное дело против Натальи Алексеевны, на чье имя были сданы вещи, по факту спекуляции. Оно скоро было прекращено за отсутствием состава преступления. Поэтому в магазин Ярославля и других городов Митины сдавали вещи совершенно спокойно, зная уже, что в этом нет ничего противозаконного. Потом, когда было заведено дело в Ярославле и дошло до суда, Митина скажет:

— Мы сдавали вещи в государственный комиссионный магазин. У нас их принимали, оценивали, как считали нужным, удерживали семь процентов. Прокуратура заподозрила нас в совершении преступления. Разобрались, извинились. А теперь другое государственное учреждение судит нас за спекуляцию в особо крупных размерах, нам грозит суровое наказание. Но за что? Вещи мы купили на честно заработанные фунты, таможенных правил при их перевозке не нарушили; не перекупщиками, не спекулянтам сплавляли то, что привезли для себя и от чего нужда заставила отказаться.

А если уж говорить о наживе, следователю Михееву при желании несложно было бы убедиться, что эта «нажива» в Москве, согласно справкам Москомиссионтора и Госкомцен СССР, по сути обернулась бы ущербом. Покупая вещи на валюту в далекой стране, ни Митины, ни Янины тем более не могли знать, во что их оценят в Ярославле, Саратове, Костроме и других городах. И уж трудно представить, чтобы «особо крупные спекулянты», ставшие своей целью нажиться на скупленных за границей вещах, упустили возможность привезти максимум того, что допускают таможенные правила. А они привезли остродефицитных вещей столько, сколько нужно было себе, родственникам и друзьям в качестве подарков.

П ОКА шло расследование, обвиняемые рассылали по инстанциям письма и телеграммы, обивали пороги приемных, ища защиты от произвола.

«Ни я, ни моя жена абсолютно ни в чем не виноваты, — писал в одном из писем В. И. Янин. — Если вами будет дано поручение соответствующим службам разобраться в нашем деле, заверяю вас, что на самые подсудимых окажут следователь, проводивший расследование, и прокурор, утвердивший обвинительное заключение. Если же я окажусь неправым, готов нести самое строгое ад-

министративное, партийное или уголовное наказание». — никакой реакции. Люди криком кричат о том, что Михеев подтасовывает факты, изымает из дела не нужные ему документы, оказывает немалое давление на допрашиваемых, угрожает изрезанной вдоль и поперек, с большим сердцем Елене Владимировне какой-то «третьей степенной допроса» — никому до этого нет дела. «Хоть головой о стенку бейся, ничего не хотят слушать!» — это из письма Янинной в редакцию.

Дело это контролировалось в Москве. Однако и здесь не разглядели вопиющей нелепости происходящего. А когда Михеев дважды не уложился в предусмотренный законом срок, заместитель прокурора РСФСР И. С. Землянушин дважды великодушно его продлевал.

Одно нарушение влечет за собой другое. Безнаказанность распускает руки. Поддерживаемый прокуратурой Михеев теряет чувство меры. Под занавес допрашивает своего помощника по делу Марченко.

«Явился на квартиру Янинных, — сообщил старшему следователю Михееву оперуполномоченный Марченко. — Как раз в это время они проснулись... Были в нормальном состоянии, на здоровье не жаловались».

— Неправда, — сказала мне Янина. — Первое, что я сделала, я впустила в квартиру незнакомое человека, извинилась за несвязную речь, объяснила, что перенесла ночью тяжелый сердечный приступ, уснула полтора часа назад.

«И Янин, и Янина объяснили, что Янина купила товары в Сири для перепродажи через комиссионный магазин... Когда я закончил писать объяснения Янина, тот ушел на кухню, потом возвратился и сказал, что в этих действиях есть спекуляция и поэтому он дописал в объяснения, что товар им пришлось реализовать в силу обстоятельств, хотя до этого дал показания, что жена купила в Сири товар для сдачи в комиссионный магазин», — докладывал Марченко Михееву.

Ложь. Владимир Иванович, прочитав то, что написал в протоколе Марченко, пришел в ужас: «Что вы тут надпридумывали?» Марченко не пожелал переписать протокол. Тогда Янин дописал в него то, что считал нужным.

«После возбуждения уголовного дела совместно со следователем Михеевым и сотрудниками Останкина и Перевозцева принимал участие в обыске на квартире Янинных, — пишет Марченко. — В ходе обыска Янин заявил, что все, что они сделали, является спекуляцией и он пошел на это, т. е. ему нужны были деньги на ионы и сигареты... Кроме того, он говорил, что не успокаивайте меня, я знаю, что это спекуляция, быстрее бы на нары, чтоб хоть какая-то определенность была. Таким образом, по поведению Янина было видно, что он отличался от остальных своих действия по перепродаже товаров».

Обыск этот длился шесть часов. Предметов спекуляции, разумеется, не нашли ни в доме Янинных, ни в деревенском

ЧТО ВЫ ЧИТАЕТЕ?

В предыдущем номере «ЛР» мы начали публиковать ответы на два вопроса экспресс-анкеты: **ЧТО ВЫ ЧИТАЕТЕ СЕЙЧАС И ЧТО ИЗ ПРОЧИТАННОГО В ПОСЛЕДНЕЕ ВРЕМЯ ВАМ ОСОБЕННО ЗАПОМНИЛОСЬ?**

Сегодня мы продолжаем публикацию «экспресс-анкеты». Напоминаем, что вы можете стать авторами новой рубрики, ответив на заданные вопросы письменно или по телефону 200-23-92 по четвергам с 14 до 15 часов.

В. ГОРЧАКОВ, директор совхоза «Новоселки» (Рязанский район, Рязанская обл.) Сейчас главный вопрос — не что читать, а где найти время, чтобы все прочитать. У меня только сейчас «дошли руки» до романа Валентина Пиккуля «Фаворит». Читаю с удовольствием. Вообще, история Отечества, родного рязанского края — это то, что занимает меня всерьез. Но, увы, историческая проза слишком долго находилась у нас «на задворках». Хорошо, что сейчас хоть что-то стало появляться.

Что касается «журнального» чтения... Я постоянный подписчик «Дружбы народов» и «Октября». Ценю эти журналы за их спокойность.

Из прочитанного за последнее время самое неожиданное открытие — «Чевенгур» Платонова. Это не та литература, которую можно оценивать «нравится — не нравится», она требует слишком серьезного к себе отношения. С удовольствием прочитал повести Булгакова «Собачье сердце» и «Роковые яйца». На мой взгляд, это остросовременные произведения и, думаю, еще долго останутся таковыми до тех пор, пока мы «не победим» сам принцип, по которому власть может попасть в руки человека, малопригодного для этого...

Б. ФРАНЦУЗОВ, заслуженный художник РСФСР (гор. Владимир). Думаю, что раз-

говору о читательско-издательском «буме» несколько преувеличены, как преувеличен и восторг по поводу открытия «новых имен». Многие из того, что сейчас публикуется, было известно, читано, обдумано. Но некоторые произведения, появившиеся в последнее время, вызвали у меня большой интерес. Это «Кануны» Василия Белова — одно из немногих произведений действительно современной литературы; не публиковавшиеся прежде рассказы Куприна в журнале «Неман»; письма Короленко Луначарскому и Горькому в журнале «Родина»; неизвестные нам рассказы Бунина... Они «прошли» в нескольких журналах сразу. Вот, пожалуй, и все. Я сознательно отдаю предпочтение именно этим писателям. У них все — целю, определено. Они никогда не отказывались от своих убеждений, и главным для них всегда оставалась судьба России и судьба народа.

Н. ТЛЕХУГОВА, директор Вологодского бюро путешествий и экскурсий (Вологда). Сейчас читаю роман Аллы Калининой «По образу и подобию», недавно опубликованный «Дружбой народов». Пока о впечатлении сказать не могу, но вообще так называемую «женскую» прозу люблю. В жизни и в литературе все должно быть, и «сентименты» в том числе.

Что из прочитанного запомнилось, сказать довольно трудно, поскольку сейчас, на мой взгляд, появилось много однообразной, похожей литературы — и «возвращенной», и современной. Могу назвать, пожалуй, только две книги — новый сбор-

ник «Жизнь Есенина», куда вошли воспоминания друзей и родственников поэта, и «Скрещение судеб» — о жизни и судьбе Марины Цветаевой... Да, и, конечно, как не назвать «бестселлер» последних лет — «Поющие в терновнике» Маккалоу.

А. КУПРИЙ, продавец (Свердловск). Читаю повесть Франсуазы Саган «Немного солнца в холодной воде». Из прочитанного в последнее время наибольшее впечатление на меня произвел роман Чингиза Айтматова «Плаха».

В. П. КАСПАРОВА, пенсионерка, ветеран партии (Москва). Сейчас пока из художественной литературы ничего не читаю, у меня ухудшилось зрение, 78 лет все-таки, но читатель я вообще-то активный, всю жизнь любила читать, у меня до войны была богатая библиотека, все академические издания в ней были, — сгорела от прямого попадания бомбы. И сейчас по мере возможности слежу за современной литературой. Из того, что прочитала недавно, глубокий след в душе оставил роман А. Рыбакова «Дети Арбата». Эта тема мне близка, потому что мой муж был репрессирован. Книга всколыхнула воспоминания о пережитом, как я по 12 часов сидела на Лубянке, чтобы узнать что-то о муже, передать передачу...

А. ХРУПАЧЕВА, студентка текстильного института (Иваново). В настоящий момент читаю исторический роман Владислава Бахревского «Никон». Из того, что прочитала в последние год-два, считаю наиболее впечатляющим роман В. Дудинцева «Белые одежды».

В РЕДАКЦИЮ ПОСТУПИЛИ...

Редакционная почта состоит не только из писем, но и из разноплановых и разножанровых материалов, газет, нередко приходят бандероли с книгами или журналами, о которых читатели высказывают то или иное мнение. Поскольку публиковать рецензии на все поступающие издания практически невозможно, мы решили лишь кратко сообщать о них, частично используя при этом присланные отзывы и оставляя за собою право комментария.

ОТДЕЛ КРИТИКИ И БИБЛИОГРАФИИ

В. Матвеев, приславший поэтический сборник **ГРИГОРИЯ ЛАТЫШЕВА «ЦВЕТ ВРЕМЕНИ»** (Верхне-Волжское книжное издательство, 1989), отмечает, что в книге «нет ни одной перепечатки из книги прежней, все стихи — новые, хотя некоторые из них написаны двадцать-тридцать лет назад и в силу известных причин только сейчас пробили путь к читателю», и обращает внимание на социальность поэзии Г. Латышева: на «непримиримость к злу, насилию, ханжеству».

От себя можем добавить, что интересны и лирические стихи владимирского поэта, посвященные любви к России, к малой родине, хотя не лишен «Цвет времени» и недостатков.

О книге стихов **ОЛЕГА КОЧЕТКОВА «НАДЕЖДОЮ РЯНЯТ»** («Советский писа-

тель», 1989) **В. Смирнов-Фролов** сообщает, что сборник, по его мнению, продолжает «традиции русской национальной поэзии — исповедальной, когда душа открыта читателю». Приводя в качестве примера патристические стихи О. Кочеткова о Сергии Радонежском, народной культуре, храме Христа Спасителя, о настоящем и прошлом Отечества, читатель делает вывод о духовных учителях поэта, называя среди них Н. Рубцова, А. Передереева, Ст. Кузнецова, Ю. Кузнецова. Разделяем радость **В. Смирнова-Фролова**, вызванную прочтением действительно оригинальной и искренней книги.

Редкий случай: сразу три экземпляра романа **АЛЛЫ БАРХОЛЕНКО «ОН УВИДЕЛ»** (Южно-Уральское книжное издательство, 1988) легли на редакторский

стол. Читательские мнения противоречивы: от отрицания до дифирамбов, от недовольства стилем до упоения концепцией. Как известно, сколько читателей, столько и восприятий. Нам книга показалась заслуживающей внимания как факт именно современной литературы. «Спасение духовности в человеке и обществе, сохранение нравственной памяти народа, без которой не может быть национального и просто человеческого достоинства» — так довольно точно характеризуется главная идея романа уральской писательницы в издательской аннотации.

Размышляя над книгой литературоведа **СЕРГЕЯ КРИВШЕНКО «БЕРЕГ ОТЕЧЕСТВА»** («Современник», 1988), **М. Шкерин** делает небольшой экскурс в историю Дальнего Востока и в историю литературы об этом крае: книга дает для этого основания, так как в ней исследуются истоки дальневосточной темы в русской литературе, произведения И. А. Гончарова, К. Станюковича, Н. М. Пржевальского, Н. Задорнова, Вс. Иванова и многих других писателей, историков, мореходов. «Надо возбудить интерес молодежи к исследованию бескрайних пространств Сибири и Дальнего Востока. Ведь там и до сих пор много таинственных, загадочных мест, куда не ступала нога человека. Проклимаемые Сергеем Крившенко «дневники», «записки» и «отписки» бывалых людей минувших веков воспаляют этот интерес», — считает **М. Шкерин**.

Поступивший в редакцию выпуск газеты Иркутской писательской организации «ЛИТЕРАТУРНЫЙ ИРКУТСК» открывается обращением к читателю, в котором, в

частности, говорится: «Мы не дерзаем назвать его (номер. — Ред.) историческим... Но и своими слабыми возможностями хотелось бы проследить нам духовный путь России, коснуться некоторых явлений, определивших ее высоту и трагедию». По подбору материалов это уникальный в своем роде выпуск: начинающийся с главы послания святого апостола Павла к коринфянам, он вобрал в себя проповедь-размышления архиепископа Луки, протоиерея Льва Лебедева, Валентина Распутина, Владимира Крупина и других, почти каждое из которых требует отдельного серьезного разговора.

Нам же хотелось бы обратить внимание на опубликованную под рубрикой «Судьба России»: что же с нами происходит? статью кандидата философских наук Виктора Тростникова «Время собирать камни». Автор глубоко и аргументированно размышляет о самых болезненных вопросах наших дней: о поверхностности гласности, когда в трагедии народа видят одного лишь Сталина; о временах террора и нынешнем «синдроме забывчивости»; о том, чем грозит механическое перенимание хозяйственного опыта Запада. Автор высказывает серьезную озабоченность разрабатываемым законом о совместных предприятиях, на примере Китая показывая, что они могут стать «минами» замедленного действия; ученый считает, что «вызвать нашу экономику из тяжелого положения должны мы сами», что надо людям «дать землю насовсем», и, только «пойдя по этому пути, мы начнем наконец собирать камни, которые разбрасываем уже столько лет».

ИЗ НАШЕЙ ПОЧТЫ

«НОВАЯ ОРИЕНТАЦИЯ»?

В августе — сентябре 1988 года в журнале «Звезда» был опубликован роман ленинградского писателя Евгения Туинова «Человек бегущий», с интересом встреченный читателями, что неудивительно при современном голоде на школьную тему. Тем более странно было увидеть спустя почти год — в майском номере этого же уважаемого издания — статью А. Арьева «Ностальгия и кулак» — своеобразную отповедь роману и его автору, автору даже в большей степени, чем его творению.

Постоянно читая «Звезду», я впервые сталкиваюсь с подобным явлением. Правда, критик объяснил появление данной публикации сменой редколлегии журнала. Его несколько не заботит, как выглядит такое заявление со стороны, не смущает, что в связи с этим его обвинения представляются не чем иным, как сведением счетов.

Не смущает его и то, что читатель, уже успевший основательно обдумать прочи-

танный летом прошлого года роман, и сам в состоянии оценить позицию Е. Туинова, сам вправе согласиться с ней или отвергнуть. Журнал же тем не менее устами А. Арьева спешит откритиковаться от этого произведения — как бы в чем не заподозрили. Потому-то критическая статья и способна вызвать недоумение: к чему посвящать читателя в перипетии закулисной, внутриредакционной борьбы? Тем более, что выступление это подобно саисту в спину: ничего не изменить, так хотя бы свистнуть.

Я вовсе не склонна преувеличивать достоинства романа, но и отказать ему в них не имею права. Арьева же не видит в нем ничего положительного. Не потому, что оно отсутствует, но потому только, что произведение — лишь повод, гнев критика обрушивается на голову самого Туинова.

Критик обвиняет автора в нечестности, якобы написавшей его роман, не замечая сего греха за собой, ибо им-то и движет эта самая нечестность. Туинов же пишет зло и откровенно, иногда нарочито утрированно — и это его писательское право.

Личная неприязнь к автору, доходившая порой до оскорблений, вовсе не делает чести критике, обнажая, на мой взгляд, неспособность вести спор выдержанно и корректно.

А чего стоит упрек в адрес Туинова о многочисленности его публикаций? Почему

бы тогда не пожурить его и за то, что он премию им. Н. Островского «отхватил»? Напрасны и старания критика записать роман в разряд «нудноватых» — читается он с интересом, а порой даже захватывает. Видимо, обида за «незаконное» использование Туиновым нескольких фраз, похожих на высказанные как-то Арьевым, напрочь лишает критика объективности. Что же, придется, возможно, вменить писателям в обязанность испешрять страницы своих произведений подробными сносками: где, когда, кто, при каких обстоятельствах это сказал или сделал, а то уж совсем распоясались!

Прошу извинить, если резко высказала некоторые свои мысли, но обидно за журнал. Неужели это и есть та самая «новая ориентация» (используя слова А. Арьева) журнала, которой собирается следовать сегодняшняя редколлегия?

Марина БОНДАРЕНКО

ЧТО ПОСЕЕШЬ...

Уважаемая редакция! Давайте посмотрим на нашу Россию «не литературную». Мне часто приходится встречаться среди людей разных «сословий» — рабочих, служащих, партийных работников, руководи-

телей и т. д. И что меня ужасно потрясает — это их речь, слова, в которых столько грязи, столько матерщины, что слушать подобное без чувства стыда невозможно. Глядя на нас со стороны и вслушиваясь в нашу речь, от которой часто просто «уши вянут», так и хочется закричать: «Люди! Не будьте врагами самих себя! Очистите свою речь от скверны и зла! Перестаньте материться! Будьте же благоразумны и отбросьте прочь сквернословие — это ваш первый враг!»

Неужели до сей поры мы не можем понять, что дурное слово сковывает человека в его духовной жизни? Особенно это нетерпимо в семье, среди домашних.

Вы посмотрите, ведь это же стало болезнью нашего общества. Можно ли говорить о каких-то изменениях в области идеологии, нравственности, морали, имея этот страшный порок? Пока мы не очистим свой язык, мы не станем лучше. Думаю, в этом нет сомнения.

Каждое наше слово — это сознательное или неосознанное внутреннее движение, это действие, имеющее последствия. Слова как семена: что посеешь, то и пожнешь.

Владимир БОНТАРУ

НОВОКУЗНЕЦК,
Кемеровская обл.

Оно вызывало в нем бунт против всего и ярость, железным кольцом сжимающую сердце...

Душно! Унгери приказал подать автомобиль и черной тенью стал носиться по полуночным замершим улицам. Горе тому часовому, кого он не найдет бодрствующим! Горе и тем, кто сидит на гауптвахте, потому что Унгери сжал сердце, и он готов на все, лишь бы отпустило...

Он обязательно заедет на гауптвахту и произведет короткий и правый суд!

Засовы гауптвахты заремели. Часовые застыли изваяниями, и Унгери, нахмурившись, выслушал рапорт дежурного.

— Привести... — бросил он коротко, ткнув пальцем в первое имя в списке арестованных.

Ввели Жданова... Когда Жданов, входя, посмотрел на своего бывшего вожда, он сразу определил его состояние и понял, что его ожидает.

Собственно говоря, игра была проиграна еще пару дней назад, когда его арестовал патруль за нападение с ножом в руке на Цадипа. Цадип через два часа скончался на перевязочном пункте.

При свете оплывающего огарка глаза Унгери так и впились в арестованного.

— За что арестован? Жданов усмехнулся:

— За хорошее не посадят, Ваше Превосходительство!

— Кто ты? — Дезертир из вашего отряда! — не моргнув глазом отчеканил Жданов.

Игра ведь все равно проиграна. Так отчего же не побеседовать с Его Превосходительством по душам? В сумрачной душе потомка пирата был уголок, где скрывалось одинокое чувство — уважение к смелости.

— Как попался? Жданов спокойно изложил историю нападения в степи, смерть товарища и решение мстить во что бы то ни стало.

В одном месте рассказа глаза Унгери опять впились в арестованного.

— Ты видел духа, от которого побежали монголы?!

— Да разве можно видеть духа, Ваше Превосходительство?

Этот ответ был величайшей оплошностью: суеверный вождь, приглядывающийся к знаменьям и верящий в темные силы, освободил бы Жданова, будь тут вмешательство потустороннего. Теперь же все было испорчено: Жданов переступил его закон дважды — дезертировал и присвоил себе мечь...

— Довольно! Завтра тебя расстреляют! Введите следующего!

Кольцо, сжимавшее сердце Унгери, как будто уже ослабло.

— Ваше Превосходительство! Так уж расстреляйте и тех двух оставшихся грабителей вместе со мною... Все ж оставшейся!

Во взгляде Унгери прощивило что-то похожее на благодарность: этот человек прямо-таки доставлял ему возможность проявить свою власть над жизнями людей!

Он подробно расспросил о местонахождении виновных... Сейчас же появился наряд солдат — справедливости был дан полный ход... Суровый вождь оживился.

В Урге наступал рассвет. Где-то взревел верблюд, и залаяли псы на окраине. Фиолетовая дымка оку-

тывала окрестные горы, за которыми во все стороны разбегались древние, костями усыпанные дороги через желтую пустыню.

С наступлением нового жестокого дня по этим бесконечным дорогам пойдут, раскачиваясь, как пьяные, верблюды в Кашгар, Кульджу, к Гималаям и в таинственный Тибет.

Жестокий день наступал быстро и бичом необходимости гнал обитателей теплых юрт на утреннюю прохладу.

Сны еле прятались в складках их длинных халатов: мужчины ежились на утреннем холодке и нехотя вели коней на водопой.

Может быть, их только что ласкали скуластые женщины, увешанные фунтами серебра...

Лень сквозила в каждом движении монголов, и пока они, зевая, пошатывались на небо — вдали, за свалочным местом, раздался залп взводом.

Там расстреливали осужденных накануне Унгери, и в этот именно момент Жданов отправился в одну страну, где он еще не побывал и откуда... не возвращаются...

Шествие мертвых

В ВЕЧЕРНЕЙ прохладе мы сидим на берегу и прислушиваемся к ленивым всплескам реки. Еще горел закат, но уже фиолетовая дымка окутывала дальние сопки, и черные тени стелились по долинам от скатов.

Пройдет полчаса, и на бесшумных крыльях спустится ночь.

Далеко, в больших городах, в это время гремят трамваи, гудят автомобили и суетливые люди снуют по тротуарам.

А здесь, над глинистым обрывом берега, перешептывается камыш — природа говорит с человеком, и человек понимает ее.

— Это мое последнее лето здесь, — произнес мой собеседник, старый китаец Хоу.

— Разве ты собираешься покинуть это место, мой друг? — сказал я, прислушиваясь, как смутные шорохи пробегали по камышу...

— Я стар и поеду на юг: пора на покой.

— Ты хочешь покинуть огород, где выращиваешь такие сочные овощи? Разве золотоискатели с Хинганских падей платят тебе плохим песком?

Хоу протянул руку на запад, где горело зарево:

— Вечер моей жизни уже близок, и я поеду туда, где ожидают меня предки.

— Мертвые никого не ждут, Хоу: разве не все равно, где будет покоиться тело, когда отлетит дух жизни?

— Как? Но разве ты не хочешь видеть своего старого отца? Ты не хотел бы чувствовать руки матери на своей голове? Живые стремятся к очагам своих родителей — мертвые тоже! И даже самые бедные китайские семьи платят все, что могут, чтобы привезти своих покойников из чужих стран. Я не хочу причинить зла своей семье и приеду сам, пока еще жизнь теплится в моих костях.

Возражения роем теснились в моей голове.

Наудачу я выбрал одно из них:

УСТРЕМЛЕНИЕ К СВЕТУ

В ПЕРВЫЕ об Альфреде Петровиче Хейдоке я упомянул в статье «Истина слова», опубликованной в 1983 году в газете «Советская Россия». Неистовые ревнители классового подхода не преминули мгновенно отозваться. Доктор наук Леонид Резников заявил:

«...в полное изумление подвергает В. Бондаренко внимательного читателя, когда в качестве образца чуть ли не на все времена называет эмигрантскую повесть А. Хейдока «Звезды Маньчжурии»... «Поясняя творчество писателя», В. Бондаренко приводит цитату: «Звезды Маньчжурии» полны тех внутренних зовов, которые пробуждаются на древних просторах, напитанных слезами прошлого». Какой воистину кощунственный смысл приобретает эти слова ныне, если учесть, что А. Хейдок — это Альфред Хейдок, мелкий международный бродяга и мистик, напечатавший свои «Звезды Маньчжурии» в Харбине, где окопались остатки дальневосточного Белогвардейского отряда, в городе Харбине — в 1934 году, когда Харбин уже второй год был под оккупацией империалистической Японии. Предисловие к повести Хейдока написал тогда же Н. Рерих — крупный живописец. Но как же было не знать, не учитывать, что сам Рерих в те годы был в философском отношении — идеалистом (и таким остался до конца своих дней), человеком, в политическом отношении не очень разборчивым, мистически настроенным символическим и толстовцем!.. Рядом с Николаем Рерихом поставил во всех отношениях одиозную фигуру Альфреда Хейдока, чем явно подвел «Советскую Россию», которая, впрочем, должна бы предварительно проверить, что она печатает... Альфреда Хейдока, харбинского эмигранта, по вполне понятным причинам нет даже в закрытых фондах... Довольно ясно, что его «зовы» и «слава прошлого» — это типичная белогвардейская романтика. И на ней-то строит СОВЕТСКИЙ критик концепцию «высокого реализма»... Стыдно!»

Не знаю, кому нынче стыдно. Автор этого политического доноса, считающий себя крайне прогрессивным деятелем, даже усомнился в том, что я «видал хоть одним глазом эту повесть», так как профессору из всех наших крупнейших библиотек сообщили об отсутствии книги «Звезды Маньчжурии» А. Хейдока даже в закрытых фондах...

Откуда знать было уважаемому профессору, изрядно напугавшему своим письмом «Советскую Россию», что Альфред Петрович Хейдок с августа 1947 года живет в стране, что не повесть, а книгу «Звезды Маньчжурии», изданную не в Харбине, а в Нью-Йорке в 1934 году Николаем Рерихом, мне вручил сам автор ее, могучий, крепкий, несмотря на возраст и перенесенные страдания, верящий в величие жизни и в ее глубокий внутренний смысл.

Альфред Петрович Хейдок — еще один открываемый ныне талантливый русский писатель...

Он и сейчас живет в городе Змеиногорске Алтайского края, поближе к рериховскому и староверческому Беловодью. Ему уже исполнилось девяносто семь лет.

Я пробовал заинтересовать все эти годы барнаульских писателей столь необычной судьбой столь необычного человека, но, очевидно, время было не то. Меня выслушивали мои алтайские друзья, и... все уходило в песок.

Альфред Петрович Хейдок из латышских дворян, родился в Латвии в 1892 году. В шестнадцать лет вместе с семьей переехал в Тверскую губернию, где его дядя был главным механиком на крупном заводе. С детства мечтал быть писателем. Пробовал писать стихи, прозу, сказки. Пошел добровольцем на первую мировую войну, воевал во Второй армии. После Брестского мира и оккупации немцами территории, занятой воинской частью, где служил офицер Альфред Хейдок, он вернулся сначала в Тверскую губернию, а затем уехал на Дальний Восток. Служил в штабе Амурской области, после поражения белых ушел вместе с ними в Китай. Служил в Маньчжурии, затем осел в Харбине, стал печататься в харбинском журнале «Рубеж». В 1928 году у него вышел первый рассказ. Очень быстро

стал ведущим прозаиком не только этого журнала, но и многих других русских журналов дальневосточной волны эмиграции, до сих пор у нас практически неизвестной. Подружился с Николаем Рерихом, стал последователем его учения о живой этике. Николай Рерих и помог ему издать первую книгу.

Столь необычное сочетание показа трагических судеб белых офицеров, служивших в китайских, маньчжурских и монгольских отрядах у многочисленных правителей, и высокой романтики, таинственной загадочности, аромат древних мистерий сделало прозу Альфреда Хейдока популярной в эмигрантских дальневосточных кругах. Он к тому времени из-за оккупации Японией Харбина переехал в Шанхай, где стал председателем секции русских писателей Шанхая, занимавших патристические просветительские позиции. Всю войну Альфред Хейдок, чем мог, помогал своей Родине, вел борьбу с профашистскими кругами в белогвардейской эмиграции. Поэтому он и был включен в список первого потока реэмигрантов из Китая, возвращающихся в Советский Союз.

В августе 1947 года он выехал из Шанхая в порт Находку, из Находки вместе с женой и сыном — в Свердловскую область, город Североуральск. Преподавал английский язык, был юристом-консультантом. Начинать печататься в уральской прессе. Обо всем увиденном он написал в Индии — Николаю Рериху, тоже собиравшемуся вернуться в Советский Союз. Николай Рерих незадолго до предпологаемого отъезда умер. Альфреда Хейдока за «переписку с английским шпионом Рерихом» обвинили в шпионаже и запрятали на десять лет в заповедные лагеря. Арестовали и сына. На допросе Альфред Хейдок заявил, что гордится своей дружбой с Рерихом и не отказывается от него.

— А откуда, скажи, Хоу, откуда известно, что мертвые желают возвратиться под родной кров?

Хоу повернул ко мне свое коричневое лицо. Оно сливалось с глинистым обрывом берега, и казалось, будто древний обветренный барельеф говорит со мною со стен буддийской кумирни.

— Ты не смеешься над верованиями моего народа, и я скажу тебе: мы знаем это, потому что мертвые сами возвращаются.

Он устал на меня взгляд своих старческих глаз, а я сосредоточил всю силу воли, чтобы не дать дрогнуть ни одному мускулу на лице, ибо знал, что даже тень неверия замкнет уста моего собеседника.

— Ты, может быть, расскажешь, Хоу, как возвращаются мертвые?

Его рука описала полукруг по направлению к югу: — Ты был в провинции Гуйчжоу? О нет, ты не был там: редкий иностранец бывает в провинции Гуйчжоу. Там нет огненных телег иностранцев... Там круты горные скалы и шумливы ручьи.

Но нигде ты не увидишь такого ясного неба и нигде утро не дышит таким спокойствием, как в Гуйчжоу, ибо именно там, в недостижимой высоте, находится царство мертвых, куда отлетает дух после смерти человека...

Много отшельников живет в горах, и много обителей основали там монахи ордена фа-ши: ведь там нет соблазнов и легче человеку следовать по великому пути «Дао», ведущему к истине.

Каждое лето стекается народ к этим обителям, чтобы принести свои молитвы Небесному Духу.

И, случается, смерть настгает паломника в пути. Что делать его родственникам? Не понесешь тяжелый гроб по тропинкам, где трудно пройти даже одному. А по пятам смерти приходит тление.

Тогда приглашают монаха из ордена фа-ши. С пенем приближается к мертвому монах.

Трижды он бьет земные поклоны и трижды посылает заклинания властителю Царства Мертвых, чтобы отпустил он отлетевший дух усопшего.

Монах воскуривает душистый «сянь», брызжет священной водой в лицо усопшего и — он встает, и члены его приобретают гибкость.

Только глаз не откроет мертвый, ибо на них лежит печать смерти, а ее никто из живущих не в силах снять.

Затем впереди становится родственник, а за ним — монах с курительной свечой, и идут — мертвый среди двух живых.

Не пойдет мертвый на восток, не пойдет и на запад, а пойдет только по дороге к родному дому.

И так идут они много дней. Когда провожатые подкрепляют свои силы сном и пищей в деревенской харчевне, мертвый стоит у ограды и ждет, ибо он хочет видеть своего старого отца и чувствовать руку матери на своей голове. Но вот и родной дом! Горе, если с плачем выбегут навстречу мертвому родные: в прах рассыплется его тело.

Без слез нужно подвести его к приготовленному гробу, и здесь уже успокоится прищелец навеки: он у родного очага...

Хоу замолк. Молчал и я.

Уже спустилась ночь.

Туман вдувался на дальних скатах, и прозрачная пелена стелилась по потемневшей реке. И бездонное, величественное небо, и уснувшая земля дышали тайной ночи...

Мой скептический ум ступевался перед темным ликом природы, хранительницы тайн жизни и смерти.

И в этот момент я верил так же, как Хоу, что в далекой горной области и поныне мертвые шествуют среди живых, чтобы почувствовать руку матери на своей голове...

Вышел на свободу Альфред Хейдок в сентябре 1956 года, но весь его богатый архив, содержащий массу уникальных документов русской дальневосточной эмиграции, его рукописи, переводы буддистской философии — все было уничтожено...

Поселился после освобождения Альфред Хейдок сначала в Балхаше, затем переехал в Змеиногорск, на Алтай. Опубликовал в 1958 году свой новый рассказ в газете «Омский рабочий», показывал свои произведения несколько раз в местные писательские организации, но никакого интереса не замечал. Чересчур его проза да и его судьба были необычны, загадочны, таинственны, мистичны — для российской писательской провинции. Хотя за эти десятилетия написано им немало нового — фантастические повести «Меч Торвальда», «Навсегда» (1979—1981 гг.), переводы трудов Е. Блаватской «Тайная доктрина», «Разоблаченная Изидда», рассказы «Летят утки», «На зарезанных путях», работа о Сергии Радонежском, философские записки «Моя концепция»...

Его книга «Звезды Маньчжурии» существует во всем мире лишь в нескольких экземплярах. Думаю, читатели «Литературной России» даже по двум предложенным рассказам поймут, с какой неожиданной, смелой, талантливой прозой они встретились. И будут ждать выхода новых рассказов, выхода книги целиком у нас в стране. Разбирать творчество Альфреда Хейдока сейчас мне представляется преждевременным. Хватит нам говорить о том, что еще никому не известно. Давайте поможем, чем можем, ныне живущему в крайне стесненных условиях, непонятному даже собственным соседям девяностолетнему русскому писателю Альфреду Петровичу Хейдоку, живущему по адресу: Алтайский край, гор. Змеиногорск, ул. Волкова, д. 56, кв. 6. Он нуждается в нашей поддержке, в нашем понимании, в своем читателе.

Владимир БОНДАРЕНКО